

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Дневник

О знаменитом русском артисте

В замечательной галерее прославленных русских актеров видное место принадлежит Павлу Мочалову. Он родился 3 ноября 1800 года в семье московского актера Степана Федоровича Мочалова.

Броме отрывочных воспоминаний современников, к тому же не всегда достоверных, нет никаких материалов и документов, относящихся к детству и юности Павла Степановича.

Актеры той эпохи в большинстве случаев приходили в театр из такой среды, обывач которой не допускали никакой вольности или легкости в отношениях. Бывшие крепостные, они проводили свою молодость в суровой обстановке.

Павел Мочалов жил интересами своей среды; стать актером было его единственной заветной мечтой. Дебют состоялся 4 сентября 1817 года. Шла трагедия Озерова «Эдип в Афинах» на сюжет античной трагедии Софокла, в бенефис отца Мочалова; Эдипа играл он сам, Антигону—Мария Мочалова, Полиника—сын Павел.

Современник-писатель С. Т. Аксаков, присутствовавший на дебюте Мочалова-сына, вспоминает, что в театре, переполненном публикой, было душно. Бенефициант играл неважно, пьеса шла вяло. Вдруг за кулисами раздался молодой, полный жизни голос Полиника:

«Ах, где она, вы к ней меня ведите!».

Как электрическая искра пробежала по залу, после усыпительной, монотонной игры этот голос поразил всех...

Мочалов-сын играл великолепно. Рукоплескания не прерывались. Триумф был полный. Слава окружила первые шаги Мочалова. И на протяжении всех тридцати лет, которые Мочалов отдал театру, он по существу остался на всех этапах почти таким же, каким вышел на сцену первый раз, в вечер своего триумфа. Разумеется, его талант рос, укреплялись основные черты его творчества. Главным украшением его были глаза и чудесный голос: мягкий и звучный, нежный и сильный. Его шепот был слышен в верхних галереях театра.

Голос его, по словам Белинского, был «дивный инструмент, на котором артист по воле брал все ноты человеческих чувствований и ощущений, самых разнообразных, самых противоположных. В нем слышны были и громовой рокот отчаяния, и порывистые крики бешенства и мщения, и тихий шепот сосредоточившегося в себе негодования, и мелодический лепет любви, и язвительность иронии, и спокойно высокое слово».

Он был среднего роста, фигура его была также подвижна, как и лицо. В страстные минуты он вырастал, казался высоким и стройным.

Как определить то, что могло бы раскрыть самое важное, «мочаловское» в природе его сценического творчества? Думается, что таким основным свойством резко выделяющим его из современного ему сценического окружения, является неспособность Мочалова играть ровно на протяжении всего спектакля. Знаменитые «мочаловские минуты», те вспышки не обычного эмоционального подъема, которыми он так потрясал, как раз свидетельствуют об этом. «Минуты» могли быть очень короткими—две—три вспышки на протяжении всего представления могли быть и очень длительными—почти весь спектакль проводился вдохновенно во всегда—«почти», и никогда—одинаково ровно и одинаково блестяще с первого до последнего акта.

Очень взволнованно говорит о мочаловских минутах такой влюбленный в мятежный гений артиста критик Апполол Григорьев.

«Могучий, грозный чародей»,—говорит А. Григорьев о Мочалове; и Белинский восклицает: «Какой могучий, какой страшный художник!». В. Белинский и А. Григорьев, ни в чем не схожие между собой, разные в своем понимании искусства, в определении Мочалова сошлись на одном: это могучий художник.

Шекспир еще более помог Мочалову вырасти в выдающегося художника. Огромная заслуга Мочалова в том, что он создал впервые на русской сцене Гамлета.

Как большинству артистов того времени, Мочалову приходилось выступать в ролях самого разнообразного характера. Помимо трагедии и драмы, он нередко выступал в комедиях. Мочалов играл роли Чацкого в бессмертной комедии «Горе от ума»—Грибоедова.

Венцом мочаловских созданий был Ричард III, сыгранный в его последнем бенефисе в 1846 году.

Мочалов создал реалистическую игру на русской сцене. Он навсегда укрепил в русском театре правду. Он прожил короткую и трудную жизнь, умер 28 марта 1848 года. Век, в котором жил Мочалов, был веком черной николаевской реакции. Тьма простиралась над страной. В этой тьме звучал могучий, полный страсти и силы голос, рыдавший о счастье, звеневший скорбью. И этот голос пробуждал ответные слезы, рыдания, гнев, восторг, любовь, надежду; тогда верилось, что ночь, как она ни темна, будет побеждена рассветом дня.

Великий трагик-реалист Мочалов звал в это царство светлого дня, и мы, люди советской эпохи, бережно храним память о великом русском трагике, на традициях которого воспиталось немало замечательных актеров русской сцены.

С. СУДЬБИНIN,
заслуженный артист РСФСР